

Лу Чаншэн немного помямлил, не посмев сказать прямо, взвесил слова и наконец произнес:

— Ваше величество уже долгое время слаба здоровьем, тонизирующие снадобья требуют времени, пока эффекта не видно...

Он не успел договорить, как вдруг раздался резкий звук — чжэн! Одна из тетив лука в руках Тань Чжана лопнула, будучи сорвана с огромной силой.

Цзи Цинбай вздрогнул от неожиданности. Лу Чаншэн и Цзэн Дэ уже опустились на колени. Император не пошевелился, с кончиков его пальцев капала, булькая, алая кровь.

— Ваше величество! — Цзэн Дэ пополз вперед на коленях, дрожащим голосом воскликнул. — Пожалуйста, берегите драгоценное здоровье!

Тань Чжан, казалось, совсем не чувствовал боли, пристально глядя на лицо Цзи Цинбая, холодно бросил:

— Вон.

Кроме Цзи Цинбая, двое других, естественно, пулей выкатились прочь.

Цзи Цинбай...

Его взгляд упал на руку Тань Чжана. Рана, вероятно, была неглубокой, кровь не останавливалась. Сейчас позвать Лу Чаншэна — император, наверное, снова разгневется. Цзи Цинбай подумал, оторвал полосу от подола нижней юбки и опустился на колени перед Тань Чжаном.

Шея у Цзи Юй была очень тонкой — такой вывод сделал Тань Чжан, пощупав её несколько раз. Это было место, которое ему довольно нравилось, всегда казалось, что можно с легкостью прикончить другого.

Человек перед ним склонил голову, обнажив изящную линию шеи. Цзи Юй, похоже, не любила укладывать волосы, в памяти императора прически этой особы были всего нескольких простых и скучных стилей.

Цзи Цинбай, конечно, не осознавал, в какой опасности находится его хрупкая шея. Он обработал рану Тань Чжану, кое-как остановил кровь — и всё это с помощью магии.

Подняв голову, он увидел, что Тань Чжан смотрит на него.

Цзи Цинбай в конце концов не женщина, у него нет врожденной стыдливости и застенчивости. Он открыто встретился с ним взглядом, и в итоге Тань Чжан первым отвел глаза.

Цзи Цинбай улыбнулся и мягко спросил:

— Позвольте мне сделать лук для вашего величества?

Цзи Цинбай хорошо умел делать луки. Его щетина была самым прочным божественным инструментом и сокровищем во всех шести мирах. В те времена тетива того лука, которым Хоу И стрелял в солнца, была сделана именно из его щетины.

Немного поностальгировав о славных временах, Цзи Цинбай в душе тяжело вздохнул. Он сидел, скрестив ноги, на кровати архата, поправляя тетиву и глядя на Тань Чжана. Император,

опустив голову, о чем-то размышлял, затем вновь поднял лицо, на лбу его читалось раздражение, и он холодно спросил:

— На что ты смотришь?

Цзи Цинбай не ожидал, что его поймают на месте, ему стало неловко, и он честно ответил:

— На вас смотрю.

Тань Чжан, вероятно, счел его дерзким, насмешливо произнес:

— Веришь ли, что я сейчас вырву тебе глазные яблоки и скормлю их собакам?

Цзи Цинбай, конечно, не хотел лишаться глаз, поэтому перестал смотреть на человека, украдкой прошептал заклинание и извлек из своего духа один волос из щетины.

За десятки тысяч лет он усердно ухаживал за своей прекрасной шерстью, но использовал он её не по назначению, либо Будда вырывал её, делая его лысым — судьба его была полна невзгод.

Цзи Цинбай натянул тетиву, попробовал её — звон тетивы был чистым и ясным, лук после натяжения был полон и упруг, что доказывало: его мастерство за столько лет ничуть не ухудшилось.

— Ваше величество, не забудьте надеть наперсток, — Цзи Цинбай протянул готовый лук императору, заботливо напоминая, — чтобы не пораниться.

Тань Чжан ничего не сказал. Казалось, он был редкостно доволен. Несколько раз натянул тетиву, затем отложил лук в сторону. Цзи Цинбай подал платок, чтобы помочь ему вытереть руки.

Император позвал Цзэн Дэ.

Главный евнух держал в руках шкатулку, открыл её и поднес к Цзи Цинбаю.

— Волчий клык, — Тань Чжан опустил взгляд на Цзи Цинбая, бесстрастно произнес, — этим утром я добыл его собственноручно.

Цзи Цинбай не совсем понимающе уставился на острый клык в шкатулке. Неизвестно, как Тань Чжан велел его обработать — на кончике зуба было сделано маленькое крючковатое крепление, похожее на серьгу. Но у Цзи Юй после цзи-ли не было проколоты уши. Судя по настрою императора — он собирался прямо сейчас проколоть ему дырку и сразу же надеть!

Цзэн Дэ, похоже, разглядел его затруднение и весьма тактично сказал:

— Это величайшая милость, ваше величество. Пожалуйста, примите её. По возвращении во дворец мамка непременно поможет вам проколоть уши. Когда наденете, будет очень красиво, и его величеству будет приятно смотреть.

Цзи Цинбай... Проколоть уши — не проблема, можно потерпеть. Но кто же сочтет красивым носить на ухе клык...

Цзи Цинбай, не смея высказать свой гнев, искоса взглянул на Тань Чжана, собрался с духом и принял этот зуб, ещё и поклонился в знак благодарности, прижав шкатулку к груди как драгоценность.

Поскольку в императорском шатре было тепло, Цзи Цинбай, пользуясь предложением слабого здоровья, решил и вовсе не уходить. Тань Чжан после полуденной трапезы отправился с несколькими приближенными охранниками поохотиться на дичь.

Цзи Цинбая оставили одного в шатре.

Шкатулка с зубом была довольно большой и неудобно давила. Цзи Цинбай хотел было просто поставить её, но побоялся, что император, вернувшись, увидит и рассердится. Поэтому он просто вынул зуб и положил его в свой поясной кошелек.

Вероятно, спать днем, обнимая зуб, было несколько странно. Цзи Цинбай внезапно проснулся посреди сна.

Он резко сел, в сознании его бушевал хаос. Закрыв глаза, Цзи Цинбай быстро сложил пальцы в жест, и лицо его постепенно омрачилось.

Последние полгода Цзи Цинбай почти каждую ночь спал рядом с Тань Чжаном, и его дух стал гораздо стабильнее, чем вначале. Кроме того, ежедневное питание буддийской дхармой от Тань Чжана связало их жизненные каналы. Если с одной стороны что-то случится, он ни за что не ошибется.

Цзэн Дэ был снаружи, очевидно, ничего не произошло, и никто ничего не знал. Цзи Цинбай успокоился, привел в порядок одежду, взял лук, который Тань Чжан не забрал с собой, откинул полог шатра и вышел.

— О, мой господин, — Цзэн Дэ, увидев его внезапный выход, испугался, — в такой холод можно застудить ваше тело!

Цзи Цинбай улыбнулся. Сейчас он был самой любимой госпожой, и если он действительно что-то задумал, никто не мог его остановить:

— Мне стало душно внутри, хочу немного прогуляться. Прошу вас, господин евнух, дайте мне лошадь и выделите несколько охранников.

Он помедлил и, боясь вызвать подозрения, добавил с беззаботным видом:

— Не волнуйтесь, господин евнух, со мной будут люди, я немного поиграю и вернусь.

Честно говоря, когда Будда нисходит в Нижний мир, чтобы пройти через испытания, обычные демоны и призраки ни за что не посмеют вмешаться в судьбу. Но проблема в том, что прохождение испытаний — это страдание, и ни одной боли нельзя избежать.

Цзи Цинбай, как Верховный бог, не обращал внимания на мелких демонов. Перед великой силой Будды, если бы он сам был на месте, и его судьба была бы глубоко переплетена с судьбой Тань Чжана, ему было бы трудно сохранить себя. Подумав, что Тань Чжану ещё предстоит пройти через страдания любви, Цзи Цинбай не мог не посочувствовать той, что станет его женой.

Снег падал как раз вовремя. В белоснежном ветреном лесу легко потерять человека из виду. Цзи Цинбай сбросил верхнюю юбку, оставив только нижнее платье и накинутую сверху лисью накидку. Он погонял лошадь под собой, в сознании его божественная сила колебалась, смутно изменяя облик и фигуру Цзи Юй.

Цзи Цинбай действительно истекал кровью от боли — столько времени питал, и вот в один миг всё растратил! Очень жаль!

В те времена искусство превращений было для него легким, как выпить воды или поесть. А сейчас превращение в мужское тело едва не сломало ему кости.

Перед тем как слезть с лошади, Цзи Цинбай из-за не успокоившегося божественного моря даже выплюнул кровь. Он вытер уголки рта и, присев, начал искать следы на земле.

Снег шёл недолго, но уже образовал тонкий слой. Цзи Цинбай разгреб снежную грязь и почувствовал слабый запах ржавчины. Он привязал лошадь на месте, рассчитал направление и помчался с луком. И действительно, недалеко отсюда уже смутно виднелись силуэты людей.

Тань Чжан среди них, естественно, был самым заметным. Он выглядел ещё целым, рядом с ним оставались в живых два охранника. Убийцы, похоже, были из мира рек и озер, даже лиц не прикрывали — высокий и худой, низкий и толстый, оружие странное.

Цзи Цинбай совершенно не раздумывая сломал ближайшую ветку, зажал её между двумя пальцами и мгновенно натянул тетиву лука.

Один из охранников, защищая императора, отступал в панике, когда высокий и худой мужчина снес ему полголовы. Безголовое тело, как палка, рухнуло на снег. Тань Чжан не успел отскочить, на его красной шелковой накидке забрызгало несколько капель крови. Его лицо было мрачным, он холодно смотрел вниз.

— Вы и вправду бессердечный человек, — высокий и худой зловеще рассмеялся, — такой послушный пес погиб, а вам даже не жаль?

Тань Чжан даже бровью не повел, оттолкнул другого охранника рядом с собой, и низкий толстяк тут же набросился на него.

Высокий и худой сменил оружие на когти, похоже, собираясь взять живьем. Но только он поднял руку, как ветка сзади пронзила его левый глаз.

Низкий толстяк, расправившись с охранником, отвлекся, взглянул и в ужасе закричал:

— Цзинь Сяо!

Высокий и худой уже не мог реагировать. Он согнул колени и рухнул на снег, голова его упала — дыхания не было.

<http://bllate.org/book/15582/1387559>